

**Г**ригорий работал таксистом в частной компании под названием «Поехали». Он был среднего роста, сутулый и плешивый. На лице у него была борода, а во рту не хватало одного зуба.

В детстве Григорий мечтал купить велосипед с блестящими спицами. У всех в детстве были велосипеды, а у Григория не было. Папа с мамой велосипед ему не купили, поэтому Григорий вырос злым, неразговорчивым и волосатым.

Из школы его выгнали после седьмого класса. На большой завод не приняли, и Григорий пошел учиться на шофера. Учился долго, так долго, что у него отросла борода. Потом он долго сдавал экзамены на знание правил уличного движения. Но сдать экзамены ему все никак не удавалось. Он боялся светофоров и милиционеров с жезлами. И те и другие внушали ему опасение.

Кое-как он осилил азы шоферской науки и поступил на работу в старый таксопарк на улице Кирова, где ему дали для работы машину марки «Волга».

Но, как известно, таксист должен быть общительным. А Григорий общительным с детства не был. Он старался много говорить, но когда много говорил, пассажирам казалось, что он им хамит.

Например, Григорий останавливался у тротуара, волосатой рукой открывал правую дверь и хриплым голосом спрашивал:

— Э-э-э! Едем или нет?

— Куда? — спрашивали у него пассажиры.

— Куда надо, — отвечал Григорий.

— Нет, — отказывались испуганные пассажиры, видя бородатого и страшного Григория.

Так он ездил, ездил по городу целый день и все больше раздражался. В конце концов, за рабочую смену ему удавалось подвезти человек пять или шесть, не считая той старухи, которая сама ему нахамила и не заплатила ничего. Поэтому зарабатывал Григорий плохо. Жил в маленькой темной комнате на улице Блюхера, 15, на ужин варил лапшу «доширак», а когда включал телевизор, то всегда засыпал прямо в кресле и во сне громко храпел.

Женщины на Григория внимания не обращали. Смотрели, как на зверя (скорее всего, из-за этих самых волос и бороды), а если он к ним случайно прикасался — они испуганно отдергивали руку. Или плечо. Или ногу. В общем, к чему прикасался, то и отдергивали. Как будто он мог причинить им боль или что-то плохое сделать. Похуже, чем боль. Хотя у него даже в мыслях такого не было, чтобы ущипнуть кого.

И вот однажды ночью. А если точнее — то в 2.30 по московскому времени на Остоженке его остановила женщина. Вернее, не остановила, а просто свалилась с тротуара под колеса машины. До этого момента она, конечно, пробовала голосовать, но по причине нетрезвого вида не удержала равновесие. Ее повело, повело, и она оступилась под машину.

Григорий выбежал из машины. Хотел пьяную женщину отругать как следует, но потом наклонился над ней и спросил:

— Э, поедem или нет?

— Куда? — с трудом открывая глаза, спросила женщина.

— Куда надо, — привычно ответил Григорий.

— Домой, — ответила женщина и снова закрыла глаза. Как будто двери захлопнула.

Было видно, что она не только плохо владеет своим телом, но и веки открывает с трудом, и язык у нее еле-еле шевелится. Настолько она была неприлично выпившая, эта красивая женщина с русыми волосами. Бородатый таксист впервые видел, что такие красивые особы на дороге валяются и даже выпивают прилично. А Григорий, хотя и был похож на породистого зверя, внутри себя был человек очень добрый и деликатный. Он не мог бросить одинокую женщину на холодном асфальте. Он поднял женщину с асфальта и перенес в салон своей грязной машины.

Женщина эта оказалась нетяжелая. Ее русые волосы, пока он держал ее на руках, приятно щекотали ему щеку. От волос женщины пахло чем-то ночным и пряным, как от маринованной курицы. К тому же она оказалась теплой и покорной. Когда он положил ее на сидение, она даже что-то промычала, но глаз не открыла и ничего не сказала.

Взявшись за руль волосатыми руками, Григорий посмотрел на женщину и спросил:

— Э, куда едем?.. А?

Женщина ничего не ответила. Ее голова безвольно свесилась в левую сторону. Григорий снова посмотрел на женщину и вынужден был отодвинуть ее ближе к двери автомобиля, чтобы в салоне стало просторнее. А то

рулить неудобно по ночной Москве, когда пьяный пассажир туда-сюда вихляется.

Какое-то время Григорий думал, как ему поступить с этой женщиной пьяной, которую он нашел на дороге. А потом решил отвезти ее к себе домой. Все равно она еще долго не очухается и ничего вразумительного не скажет. Ее-то дом неизвестно где. Может, где-нибудь за Можайском. А у него дом близко. Правда, дома у него не прибрано уже полгода. Пыль везде лежит толстым слоем. Пахнет неприлично. Но что делать ему? Не бросать же на улице ночью, да еще в таком виде женщину эту.

Завтра, скорее всего, она ему не заплатит. Нет, не заплатит, как пить дать. На ней только платье одно — больше ничего нет. Ни сумочки, ни часов, ни телефона. И зачем только он остановился рядом с ней? Может быть, ее подобрал бы кто-нибудь другой. Есть же еще таксисты в Москве. Кто-нибудь молодой и красивый подобрал бы и увез, куда ей надо. Ему-то она зачем такая? Эта женщина молодая. Она увидит завтра его и как закричит:

— Что ты со мной сделал? Где мой телефон, где моя сумочка? Где мои серьги в ушах? Куда они делись? Уши пустые висят. Это ты их забрал, волосатый вор! Отдавай сейчас же, иначе я вызову полицию!

Да... Будет завтра буча! Это точно... Узнает он, как пьяных женщин на московских улицах подбирать...

В темном дворе Григорий оставил машину. Открыл правую дверь. Молодая женщина так прямо и повалилась ему на руки. Выпорхнула, как птица. Он подхватил ее и понес в темный подъезд. Потом по темной лестнице поднялся на второй этаж, по темному коридору прошел в свою маленькую комнату, похожую на берлогу, где пахло лапшой «доширак» и одеколоном «Цитрусый».

Принес, положил на кровать и удивился, какая легкая эта женщина оказалась. Не женщина, а мотылек. Он несколько не устал даже, пока ее нес. Постоял немного над женщиной, потом включил ночник и присел на краешек кровати рядом с ней.

Надо же, какая она красивая при искусственном свете. И почему такие женщины на дорогах валяются ночью? Почему под колеса падают? Непонятно даже. Их нужно на руках носить, а они пьяные ходят везде. Ездят на машинах со страшными волосатыми мужиками. Э-э-э. Нехорошо это...

Григорий осторожно дотронулся до золотистых волос красавицы. Он думал, что она проснется и ударит его по щеке маленькой легкой рукой. Своими тонкими пальчиками ударит, которые так и хочется поцеловать. Но она почему-то не проснулась и не ударила, даже волосы не убрала. Он наклонился, взял небольшую русую прядь двумя неуклюжими пальцами и провел этими волосами себе по щеке. Мягкие волосы и щекочут. Пахнут забытой нежностью.

Григорий посмотрел на лицо женщины. Правильное лицо, красивое, совсем детское еще. Ей, наверное, лет восемнадцать или двадцать. Не больше... А может быть, так ему только кажется, потому что самому за сорок. Сейчас все двадцатилетние кажутся ему детьми. Он стал чувствовать приближение старости. Медленное, но приближение. Как у всех. Хотя в детстве ему казалось, что он никогда не станет таким же, как дед. Таким же некрасивым, как дед, таким нездоровым...

Григорий почувствовал, что голоден. Пошел в дальний угол, который называл кухней. Заварил там лапшу, поел, выпил чаю в пакетиках под

глазанием «Принцесса Нури» и снова вернулся к своей юной женщине, к своему ночному мотыльку. Посмотрел на женщину и почувствовал себя богатым. У него в доме красавица.

Между тем пьяная женщина все так же спала на его кровати, только немного изменила позу. Сейчас она лежала на боку. Линия плеча была на уровне полукружья таза, а между этими двумя возвышенностями существовал соблазнительный прогиб. С горки на горку. Лицо женщины было повернуто к стенке. Но и так, без лица, она все равно была соблазнительна и мила. Эта пьяная женщина, которую он на дороге нашел.

Григорий сел рядом. Кровать под ним тихо скрипнула. Ему показалось, что этим скрипом и дыханием своим он может красавицу разбудить. Она проснется и упорхнет от него навсегда. И больше не будет у него в доме такого богатства.

Григорий осторожно дотронулся до складок платья на пленительном прогибе женщины. Надо же, какая у нее фигура хорошая. Глаз не оторвать. Вот ведь какие существуют на свете. Не то, что толстая Глафира из соседнего подъезда, которая работает поваром в столовой.

Когда к нему приходит Глафира, он в ней ничего пленительного не видит. Баба как баба. Глафира чем-то напоминает Григорию кухонный шкаф. Широкая, толстая, с короткой шеей и такими же короткими ногами. И всегда она Григория торопит, чтобы он поскорее делал то, за чем она пришла. Как будто любовь — это тоже работа, тяжелая и нудная, которую чем раньше начнешь, тем быстрее закончишь. И пахнет от Глафиры тухлой рыбой. Хотя в столовой, где она работает, не только рыбу готовят...

Когда Глафира исчезала, у Григория было такое чувство, будто в его комнате мебели стало меньше. То есть вместе с ней как бы исчезала часть интерьера. Вот и все.

В это время пьяная женщина глубоко вздохнула и перевернулась на другой бок. Лицом к Григорию. Он от страха даже глаза закрыл. Сейчас проснется, увидит его и испугается до полусмерти. Она такая красивая. Он такой страшный.

Но молодая женщина не проснулась. Она все так же ровно дышала, только однажды у нее задрожали ресницы и с губ сорвалось нечто напоминающее тихое мычание или стон. Или слово какое матерное, которое в женских устах звучит необходимо. Григорий толком не разобрал, какое это было слово. Понял только, что оно круглое, маленькое и мимолетное, как мыльный пузырь. Родилось и исчезло.

Теперь Григорий мог рассмотреть ее всю. Какая она.

Еще в машине Григорий обратил внимание на ее правильный тонкий нос, на высокие брови, густые ресницы. Сейчас он увидел, что все это богатство было у нее с каким-то золотистым отливом. Слегка коричневатое, но с отливом. «И почему у нее такое лицо, если она не артистка?» — подумал Григорий. Где такие женщины рождаются? Чем живут? Почему ему на пути никогда до этого не попадались?»

Так Григорий просидел рядом с незнакомой женщиной до утра.

К утру женщина протрезвела и проснулась. Не открывая глаз, она слегка потянула носом и с ужасом поняла, что находится не дома. Пахло конюшней и табачным дымом, и еще чем-то кисловатым, которым кормят собак.

И как только ее угораздило сюда попасть? Зачем? Вот откроет сейчас глаза и увидит что-нибудь страшное.

Кто-то дышит рядом с ней. Она это дыхание всем телом чувствует. Какой-то мужчина. Или зверь. Неужели у нее с ним, который рядом дышит, что-то было? Нет, не может быть! Она не могла этого допустить... Кислым пахнет. Нет, не могла. Здесь собаки живут. Ужас какой! Прямо страшно глаза открывать.

Женщина испуганно приоткрыла веки. Собак, кажется, нет, но огромный волосатый мужчина сидит рядом. Женщина вздрогнула, увидев косматую голову незнакомца, испуганно открыла глаза, стала озираться по сторонам, а потом спросила у Григория:

— Ты кто?

— Я — Григорий, — честно ответил таксист.

— А? Фа...

— Моя фамилия Гурьев.

— Что?

— Гурьев моя фамилия, — громко отчеканил Григорий.

Женщина села в кровати и уставилась на Григория стеклянными глазами. Потом осмотрела свое платье, для чего-то приподняла одну ногу, другую. Что-то нащупала рукой у себя на талии. И снова спросила:

— А... а как тут оказалась... я?

— Я вас на улице нашел.

— Как это, на улице... нашел?

— Вы упали. И я вас на улице подобрал. Ночью.

— Откуда упала я?

— С тротуара.

В это время женщина коснулась руками волос. Вернее, Григорию показалось, что она коснулась руками волос, на самом деле она слегка тронула уши. А уши у женщин везде.

— Серьги...

— Что?

— Мои серьги?

— Я вас нашел такую... как есть, — заговорил Григорий.

— У меня ничего не было? — удивилась красавица.

— Только платье.

— Но серьги?

— Только платье, — повторил Григорий и для чего-то показал ей свои большие волосатые руки. — Я ничего не брал, бабушкой клянусь.

— Врешь, — прошипела женщина.

— Э... Григорий никогда не врет. Это нехорошо. Ты такая красивая и по ночам пьяная падаешь. Плохо ходишь.

— Врешь.

— Зачем мне врать, красавица. Скажи?

— Тогда отвези меня домой.

— Отвезу.

— Отвези.

— Отвезу, только ты мне за бензин заплатишь и все.

Красавица замолчала. Кажется, она начала вспоминать то, что вчера с ней произошло. Как она с любовником отдыхала в кафе. А потом он ее провожал, провожал, провожал... Вел куда-то, вел, вел, но почему-то не вывел на улицу, а пошел дворами к себе. Ей было очень весело с ним. Она громко смеялась, а он все повторил: «Ты что, дура? Почему ты так кричишь»? У нее на плече была сумочка, на правой руке — дорогое кольцо и дешевенкий перстень. В сумочке — телефон и деньги.

Красавица растопырила тонкие пальцы правой руки. Удивленно посмотрела на них. Пусто. Ни одного кольца. Ни одного перстня.

— Падла, — негромко прошептала красавица.

— Э! Я не падла, — обиделся Григорий. — Я тебя на дороге нашел. Тебя бросили там, а я подобрал.

— Отвези меня домой.

— Отвезу. Но за бензин мне заплатишь, и все.

— Заплачу.

В салоне машины женщина успокоилась. Теперь она была непьющая, некрасивая и немолодая. При дневном свете это бросалось в глаза. Да и ругалась она как извозчик. И Григорий рядом с ней выглядел вовсе не так безобразно, как ночью. В общем, можно сказать, что они оба были немолодые, обиженные и нервные люди, которым нужно было немного отдохнуть от большого города.

При расставании женщина сунула ему в руку свой телефон на зеленой бумажке. Григорий удивленно посмотрел на бумажку, дождался пока женщина уйдет и бросил зеленый листок в лужицу под ногами.

Зеленый кораблик резво поплыл к далеким берегам.

Хлопнула дверь.

— На, — женщина вынесла и протянула ему деньги.

— Не надо столько, — ответил Григорий. Вытащил из кармана пятьсот рублей и сунул обратно. Женщина взяла. Он пошел к машине.

— Спасибо.

— Э... Зачем спасибо говоришь. Я мужчина или нет...

На щеке женщины появилась слеза. Хотя, чего ей было жаль — женщина толком не понимала. В голове у нее был туман.

## ВЛАД И ВЕРА

Владислав весной вернулся из тюрьмы. Он был черен, худ и подавлен неожиданно свалившейся на него свободой.

Его приняла к себе сорокалетняя бездетная вдова, которая каждый год неудачно выходила замуж. Вдова отогрела его, откормила, а потом стала приучать к работе в саду и огороде, намереваясь создать с ним нормальную сельскую семью.

Влад вытерпел неделю, а потом спросил:

— Ты мне скажи, Вера, кто тебе нужен? Мужик в доме или конь в огороде?

— Мужик, — ответила Вера, не чувствуя подвоха.

— Тогда отпусти удила.

— Как это? — не поняла Вера.

— Не наседай, — пояснил Влад.

И Вера наседать не стала, решила, что Влад еще не отдохнул как следует после отсидки, не набрался сил, не надышался пьянящим воздухом свободы. Стала печь ему блины, варить щи из баранины, котлетами угощать. Влад после этого и правда поправился, округлился, порозовел.

Немного погодя, Вера выждала подходящий момент и как бы между делом сообщила ему, что к ним в школу, где она работала поваром, понадобился тракторист. Продукты в школьную столовую возить, детей обучать вождению, кое-какие хозяйственные дела на досуге исполнять.

— Нетяжелая работа, тебе понравится, — завершила Вера с улыбкой.

Влад немного помолчал, потом отвернул лицо в сторону и с явным недоумением спросил:

— Тебе, Вера, мужик нужен в доме или тракторист на тракторе?

— Мужик, — снова ответила Вера.

— Тогда не доставай.

— Но, как же без работы-то на селе? — не поняла Вера.

— Вот освоюсь, присмотрюсь что к чему — потом определюсь.

И Вера доставать не стала, не такая она женщина. Только после этого разговора на других деревенских мужиков стала поглядывать с тоской. Вот, например, у соседки-бухгалтерши муж с машиной, каждый день на работу ездит, все — в дом, все — в хозяйство, как положено. У другой соседки муж ветеринар. У него тоже все есть. Он каждый день с колхозной фермы привозит что-нибудь. То молоко в бидоне, то обрезок трубы, то дохлого поросенка для собаки. Хозяйственный человек, запасливый, с хорошей закваской. А Владислав после тюрьмы никак отойти не может. То ему не подходит, это не нравится. Непонятно, как ему угодить?

Однажды Вера забылась и позвала его в сад, помочь обработать яблоны против плодоярки. Плодоярки развелось в саду как демократов в России. Влад посмотрел на Веру удивленными глазами, потом отвел взгляд и спросил с привычным нахальством:

— Тебе, Вера, мужик в доме нужен или садовник с гидропультом?

— И мужик, и садовник, — нашла на этот раз Вера.

— Нет, Вера, — не согласился Влад, — ты как-нибудь определись.

Выбери что-то одно.

— А если и то, и другое сразу? — снова нашла нужные слова Вера.

— Так не бывает.

— У людей бывает, — снова выпалила Вера, — а у нас почему-то, нет.

Вон у соседей мужья везде успевают. И на работу сходить, и в саду поработать, и в доме порядок навести. А у тебя кругом одни проблемы.

И все же Вера не стала слишком сильно надоедать новому мужчине на этот раз. Решила подождать еще немного. Может быть, он сам опомнится, сам определится. Ведь с виду-то он человек приличный, совсем такой же, как все нормальные мужики, только в голове у него засело какое-то непонятное упрямство.

Но время шло, а новый муж все так же продолжал сидеть у нее на шее. Говорил, что ему надо отойти душой от темного прошлого, надышаться чистым воздухом, привыкнуть к нормальной жизни.

Вера ждала, ждала, но однажды не выдержала. Влетела в дом с улицы, вся грязная после прополки гряд, лохматая, потная, некрасивая. И прямо от порога закричала:

— Я тебе кто, а?! Кто я тебе — баба или кобыла водовозная?

— Жена, — растерянно проговорил Влад, сонно поднимаясь с дивана, — баба.

— А кто тебе нужен?

— Как это? — не понял Влад.

— Тебе баба в доме нужна или кобыла в огороде?

— Баба, — невпопад ответил Влад.

— А коль баба, почему я всю работу должна тащить на себе? При живом-то мужике.

На этот раз Влад вовремя не нашелся, что ей ответить. А она между тем продолжила:

— Ты все говорил, чтобы я определилась, кто мне нужен. Так вот, я определилась.

— Как это? — удивленно произнес Влад, выпучив глаза.

— А вот как! Я поняла, что мне такой мужик не нужен, который весь день на диване лежит! Ни коня из него не получится, ни тракториста, ни садовника. Уж лучше мне одной барахтаться, чем тебя на своей шее тащить.

И после этого выставила Влада за дверь.

Это было не так трудно сделать, потому что у Влада кроме штанов да рубахи ничего при себе не было.

Собирая пожитки, он растерянно бормотал:

— Ты, Вера, подумай, ты определись. Может, тебе муж нужен... все же? Я даже могу пойти на уступки, ради этого дела. Наживешься еще одна-то, небось. Подумай, Вера.

— Не надо мне никого, — закричала Вера в ответ. — Ничего от тебя не надо! Как жила одна, так и жить буду. Я и так все хозяйство на себе волоку. А от тебя никакого проку не вижу. Не было путевого мужа — и не надо. Я уж как-нибудь одна.

Села на диван и заплакала. Влад посмотрел на нее, постоял немного в раздумье, потом тяжело вздохнул и понуро пошел к выходу.

## СВОЙ ПУТЬ

В детском саду мне было скучно. Здание детского сада располагалось за высоким забором, и проникновение за этот забор считалось побегом. К тому же после обеда там нужно было спать. А мне спать не хотелось. Я до сих пор не понимаю, как можно уснуть в то время, когда за окном светит солнце?

В школе мне тоже было невесело, хотя спать там никто не принуждал. Но в определенное время, где-то после обеда, на уроке географии мне очень хотелось уснуть. Географию нам преподавала спокойная и весьма упитанная женщина Людмила Петровна Евдокимова, от которой никогда ничем не пахло, если не брать во внимание тонкий едва уловимый аромат жареного лука. На Людмиле Петровне было мягкое шерстяное платье. Она бесшумно прогуливалась по проходу между парт и ровным голосом рассказывала нам о дальних странах. Ее голос расслаблял и гипнотизировал.

Людмила Петровна была многодетной матерью. Любовь к детям была у нее в крови, и это каким-то образом чувствовалось, передавалось нам — ее ученикам. Например, прогуливаясь по классу, она могла остановиться рядом со мной и, ничего не говоря, провести по моей голове своей теплой рукой. Как мама или бабушка. Когда Людмила Петровна это делала, мне всегда было неловко. Я уже не маленький. И вообще, что это за глупые выходки во время урока? Кому они нужны? Лучше бы была линейкой по рукам, как учительница математики Эльвира Самойловна. Пусть будет больно, зато не стыдно. Тем более что Галя Полушкина могла все это увидеть.

Я часто смотрел на Галю Полушкину сбоку. Все смотрели на учителя, а я на Галю. Мне было тринадцать, ей — четырнадцать. Она была на целый год старше меня, поэтому я считал ее взрослой. Я не представлял Галю своей женой, не видел ее подругой, но мне почему-то было приятно на нее смотреть. Галя была девочка упитанная и краснощекая. Как раз таких женщин любил изображать на своих полотнах художник Кустодиев.



В лесном техникуме, куда я поступил после школы, мне тоже было скучно. Мы изучали таксацию и дендрологию, техническую механику и геодезию, а мне хотелось поскорее стать настоящим лесником. Взять в руки ружье и рано утром отправиться на охоту в ближний лес, когда неяркое солнце рисует на лесной тропинке синие тени от деревьев, а в низинах, густо заросших высоким папоротником, пахнет грибами. В ту пору у меня под носом уже топорщились реденькие усы. На голове густой копной лежали темные кудри. Глаза смотрели весело и смело. Наверное, поэтому мои худые хохотушки сокурсницы иногда заинтересованно спрашивали:

— Скажи, Андрей, твоя мама не еврейка?

— Нет, — уверенно отвечал я, как будто принадлежность к этому древнему племени могла подорвать мою репутацию. Мне казалось, что я говорю им правду, а они почему-то не верили и, улыбаясь, хором советовали мне:

— Не ври! Не ври. На твоём лице все написано.

— Что написано? — обижался я.

— Все. У тебя нос с горбинкой и кудри черные.

После техникума в лесотехническом институте мне тоже было скучно. Изучать там было совершенно нечего. Все казалось знакомым. Те же лекции, те же аудитории, зачеты и сессии два раза в год. Таксация, дендрология, геодезия. В какой-то момент у меня создалось впечатление, что жизнь повторяется. Пересекает знакомую местность второй раз. За институтским окном были небольшие зеленые перелески, серые поля да белые прослойки облаков в небе.

На втором курсе мое внимание привлекла Ольга Рыбникова. Все смотрели на маститого преподавателя за кафедрой, который рассказывал о правилах закладки лесных питомников, а я смотрел на Ольгу. Ольга была полная и спокойная девушка с голубыми глазами. Правда, сбоку Ольга напоминала мне гипсовую статую колхозницы, расположенную в одном из скверов моего родного Красноярска. Но это Ольгу не портило, потому что с детства я уважал надежность и силу. К тому же, когда Ольга прогуливалась по институтскому коридору, а я смотрел на нее сзади, то я чувствовал себя молодым жеребцом, который от избытка силы на месте не может устоять.

Насмотревшись на Ольгу до ощущения полной безысходности, я решил перейти в наступление. Превозмогая скованность и стеснение, я заставил себя с ней познакомиться. И что самое странное, уже при первом свидании она попросила называть ее не Ольгой, а Аглаей. Я не понял, для чего это нужно. Но она настояла, чтобы я обращался к ней именно так. Я согласился, но на следующем свидании по инерции назвал ее Ольгой, после чего она несколько раз рассерженно повторила:

— Не Ольга — Аглая. И прошу запомнить!

Я сказал, что буду ее так называть, только мне нужно сначала привыкнуть к этому новому имени. Тем более что раньше я никогда не слышал о таком.

На третьем свидании она попросила посвятить ей стихотворение. Она сказала:

— Я люблю, когда мне посвящают стихи. В стихах есть что-то мистическое. То, о чем говорят стихами, обязательно сбывается. И плохое, и хорошее.

— Но, Ольга, я...

— Аглая. Сколько раз тебе повторять? — снова поправила меня Ольга.

— Но, Аглая, я стихов никогда не писал.

— Это скверно, — со вздохом проговорила она. — Каждый влюбленный мужчина должен писать стихи. Если ты не сумеешь написать для меня стихотворение — можешь больше ко мне не подходить.

Потом она познакомила меня со своей долговязой и худой подружкой, которая сразу мне не понравилась. Подружку звали Мариной, но она почему-то попросила называть ее Мартой и при этом так рассеянно, так скептически на меня посмотрела, как будто видела перед собой не человека, а часть убогого интерьера. «Черт те что», — подумал я.

Вернувшись в общежитие, я взялся за стихи и к полуночи написал первое в своей жизни стихотворение. Оно начиналось так:

Когда высокая и стройная  
Ко мне подходишь ты опять.  
Когда гляжу в глаза огромные,  
То мне волненья не унять.  
  
Когда же пальцы неуверенно  
По складкам бархата скользят,  
Я понимаю, ты намерена  
Мне что-то важное сказать...

Ольга прочитала стихотворение и сказала, что хотя оно и слабое, хотя и несовершенное, лишенное каких бы то ни было стилистических фантазий и неожиданных метафор, она его принимает. Сейчас нужно красивым почерком переписать его к ней в альбом, поставить дату и расписаться.

Когда я старательно записывал в этот альбом свое стихотворение, то обратил внимание, что подобных записей в ее альбоме как-то подозрительно много. И все они почему-то посвящены разным женщинам. Там были имена: Ванда, Виржиния, Вероника и Виктория.

Пока я записывал стихотворение, Ольга приняла ванну и, деловито подойдя к просторной кровати в родительской спальне, стала раздеваться. Я удивленно посмотрел на нее и спросил, для чего она это делает? Неужели она собирается лечь спать? Я уже хотел сообщить ей, что днем уснуть не смогу, что мне, вероятно, уже пора уходить. Но она опередила меня, сказав, что стихи завершают этап сближения между влюбленными. Со стихами заканчивается платоническая часть любви. И сейчас, когда единение душ уже оформилось окончательно, когда оно завершилось, может произойти соединение тел...

Если бы все вышло как-то иначе. Не днем, не так быстро и не так обыденно. Возможно, я бы остался с Ольгой навсегда. Но после этого стремительного соединения тел, я уже точно знал, что никогда сюда не вернусь.

Ольга, конечно, была особенной, очень свободной и очень уверенной в себе девушкой. Она не испытывала тех комплексов, которые всю жизнь преследуют меня. Но это была явно не моя женщина. К тому же многочисленные стихи в ее альбоме наводили меня на крамольные мысли. Неужели у нее уже было так много любовников? И с каждым из них она встречалась под разными именами. И с каждым все заканчивалось точно так же, как со мной.

В общем, к Ольге я больше не приходил, и она, скорее всего, тоже не искала со мной встреч.

В Красноярском лесничестве, куда меня направили на производственную практику после третьего курса института, мне тоже показалось скучновато. Лесничий Панишев, под началом которого я должен был работать, не появлялся в лесничестве по целой неделе. Лесники между собой говорили, что он запил, а бухгалтерша Новоселова утверждала, что лесничий уехал в командировку.

Но однажды вечером этот командировочный неожиданно заявился ко мне на квартиру. Он был в красивой синей форме, в начищенных до блеска модных туфлях, но при этом еле-еле стоял на ногах и все время старался придерживать рукой за дверной косяк. Сильно пошатываясь, он кое-как пробрался в мою комнату и, сделав серьезное лицо, заговорил:

— Вот пришел познакомиться с практикантом. У-у-узнать, как ты тут устроился? Как у те... бя дела? — заплетающимся языком проговорил он.

— Да ничего, — ответил я, понимая, что завтра этот визит лесничий вряд ли припомнит.

— А насчет отчета не беспокойся. У моего заместителя сохранился отчет после производственной практики... Он закончил тот же институт, что и ты. Так что можешь взять за основу. Понял?

— Понял, — ответил я.

Он еще немного постоял, пошатываясь, а потом спросил:

— У тебя выпить есть?

— В смысле?

— Спиртного, — уточнил лесничий.

— Нет, — чистосердечно признался я.

— И... и... не надо, — разочарованно простонал лесничий, резко махнул рукой и поплелся обратно к двери, то и дело повторяя: — Не надо мне больше пить. Хватит... Остановиться пора. Не на-а-до. Понял... — При этом его продвижение к выходу было томительно долгим. Я боялся, что в сенях он упадет и мне придется каким-то образом определять его на ночлег. Но, слава богу, все закончилось благополучно.

Я уже успел успокоиться, когда в сенях снова заскрипели половицы. Я подумал было, что пьяный лесничий возвращается обратно, но оказалось, что это не лесничий. Это лесник Икрам, который для чего-то принес мне огромный моток черного кабеля. Он был тоже навеселе. Придерживаясь рукой за дверной косяк, Икрам спросил:

— Кабель тебе не нужен? Вот нашел в лесу возле новой нефтеперекачивающей станции. Хороший кабель, медный с тонкой жилкой. К любой технике подойдет... За сотню отдам.

Я порылся в карманах и отдал Икраму сто рублей. Откровенно говоря, мне просто хотелось поскорее от него избавиться. Икрам, видимо, не ожидал такого быстрого решения проблемы. На какое-то время он растерялся, замер, а потом, как бы опомнившись, снова заговорил:

— Нет, пожалуй, за сотню я тебе весь кабель не отдам. Он медный, не алюминиевый. За сто рублей я тебе метров десять отмотаю.

И тут же стал отмерять мне провод, пыхтя и норовя уложить кабель кругами, чтобы было удобнее собирать. Потом разогнулся и спросил:

— Лесничий к тебе не заходил?

— Заходил, — ответил я.

— Значит, он меня видел.

— И что?

— Да ничего. Мы вместе с ним квасим. Он лес продает, я — кабель.

Предупредил меня, чтобы я к тебе не совался. Ты не говори, что я к тебе заходил. А то неудобно. Он человек хороший.

Икрам пошел было к двери, но возле порога остановился, повернулся ко мне лицом и, глядя на меня своими мутными глазами, предложил:

— А то бери буди, остатки-то. За сотню отдам.

Я представил себе, как он отматывает мне очередные десять метров, и поскорее отказался:

— Нет-нет, не нужно.

— Ну, как знаешь.

Вскоре мне позвонила Ольга. Она попросила меня приехать к ней. Обещала чем-то меня удивить. Я не мог представить, что могло меня удивить в этой женщине, если она, конечно, не забеременела после нашей последней встречи.

Но, слава богу, я ошибся. Оказалось, ей просто понравились мои стихи, которые ее нынешний друг напечатал в каком-то провинциальном журнале под своим именем.

Когда на одной из улиц Красноярска мы с Ольгой встретились, она патетическим тоном сообщила мне, что у меня настоящий поэтический дар. Я должен об этом знать. Она сказала, что в моем нынешнем положении мне лучше всего взять себе звучный псевдоним. Ну, к примеру, Венедикт Дулин, и всерьез заняться литературным творчеством. Так же, как им занялась ее подруга Жаклин, которая до этого была Мартой. Ольга объяснила мне, что Жаклин пишет стихи в стиле «неоклассицизм» и выступает с ними в доме престарелых перед милыми стариками и старушками, которые с удовольствием ее слушают.

— Тебе, — сказала она, — нужно составить ей компанию. В твоих стихах есть что-то трагическое и молитвенное. Старикам это понравится. Не всем начинать с литературных клубов и стадионов. Пришло время обратиться к интеллигентной старости. Пройти свой путь от подножия до вершины.

— Но, Ольга...

— Леония, — поправила меня моя собеседница.

— Но, Леония, я думал, что ты хочешь сообщить мне что-то серьезное.

— А это разве несерьезно? — возмутилась Ольга. — Занять свое место в ареопаге русской поэзии. Это, по-твоему, несерьезно? — повторила она.

— Но...

— Венедикт, послушай меня. Я понимаю, сейчас тебе не верится, что ты со своим талантом можешь попасть в скрижали. Но сердце мне подсказывает, что это будет именно так. Да, только поверь в себя. Только сделай первый шаг. И мир искусства примет тебя в свое лоно.

— Но, О...

— Леония!

— Я не хочу писать стихи, — взмолился я. — И в слове скрижали мне слышится что-то железное.

— А я не верю тебе, — категорично заявила Ольга. — Не верю. Все талантливые люди стремятся к славе.

— Но мне славы не нужно.

— Все равно. Талант должен пробивать себе дорогу.

— Но я не считаю себя талантливым. И пробивать дорогу не хочу.

— Ты хочешь быть лесником? — удивилась Ольга. — Простым лес-

ником? Ты хочешь ходить в этих ужасных болотных сапогах, сажать лес, жить черт знает где? Есть то, что вырастил в огороде? Не верю!

— А что тут плохого?

— Всякий человек в твои годы мечтает быть на виду. Неужели ты этого не хочешь?

— Не хочу, — искренне ответил я.

— Тогда я не понимаю тебя. Не понимаю, — трагическим тоном завершила Ольга свой монолог и пошла от меня прочь, соблазнительно виляя пухлым задом. Вот когда я пожалел, что отказался от ее любви. Вот когда я понял, что не могу равнодушно смотреть на соблазнительных женщин, уплывающих от меня в просторы греховности.

И тут вдруг чья-то теплая рука легла мне на плечо. Я резко обернулся. Передо мной стояла учительница географии Людмила Петровна. На ней был красивый синий костюм с желтой брошью на левом лацкане и коричневые туфли весьма внушительного размера.

— Как давно я тебя не видела, — своим певучим и приятным голосом пропела она. — Как давно! Какой ты стал статный и красивый! Прямо не верится... А помнишь, как я порой поглаживала тебя по голове?

— Помню, — смущенно ответил я. — Только не знаю, для чего вы это делали.

В моем голосе отчетливо прозвучало недоумение. Она на секунду замолчала. Ее глаза наполнились влагой, а потом она, не стесняясь этой влаги, продолжила:

— Ты был похож на моего Володеньку. Володенька-то мой утонул еще ребенком. А ты на него был похож...

Она зашмыгала носом.

— Ты очень на него похож даже сейчас. Я гляжу на тебя и представляю, каким бы мог стать мой сын. Дай бог тебе всего самого хорошего, дорогой мой. Извини меня, если я сделала что-то не так. Извини.

И она поплыла от меня своей мягкой беззвучной походкой. Я растерянно посмотрел ей вслед, и впервые в жизни мне стало стыдно. Только непонятно отчего.

Через несколько дней мне позвонила Ольга:

— Ну, что ты решил?

— О чем ты? — переспросил я.

— О стихах. Ты не пробовал написать что-нибудь еще?

— Нет.

— Ну и дурак!

В трубке раздались отрывистые гудки. Она выключила телефон.

Я вернулся домой и вдруг понял, что у меня в жизни нет ничего своего. Я живу в казенной квартире, повторяю чужие мысли, делаю неприятную работу, говорю с пьяными людьми. Ем, сплю, пишу отчет о производственной практике — и больше ничего. И тут впервые у меня промелькнула мысль: «А что, если Ольга права»? Может быть, пора вспомнить о призвании, о том, что отличает меня от других. А что, если во мне действительно дремлет некий дар?

В тот же вечер, сидя перед большим окном в осенний сад, я написал:

Над холмами, возникшими из пустоты,  
здесь всегда возвышаются елей кресты.

И повсюду кристальная снежная пыль.

Здесь сугробы годов утрамбованы в быль.

Здесь мольбы затихают под толщею льда,  
и словесная льется с экранов вода.  
Уплывают кораблики под мосты  
и на мачтах покачиваются кресты.  
Ты не умер еще, но уже воскрес,  
и в подарок тебе — на пригорке крест.

По электронной почте я отправил это стихотворение Ольге. Она написала мне восторженный отзыв, назвала меня гением и закончила письмо такими словами: «Если сейчас ты не займешься стихами всерьез, я перестану тебя уважать».

Это меня воодушевило. Я написал еще несколько стихотворений и вдруг понял, что выдохся. У меня нет больше ни хороших тем, ни желания продолжать это странное занятие.

Новый друг Ольги, как я и ожидал, напечатал мои стихи в модном молодежном журнале. Меня удивил его новый псевдоним Венедикт Заречный. Ольга пояснила, что потом, когда все привыкнут к этому звучному имени и занесут его в скрижали, можно будет представить миру настоящего автора — то есть меня Андрея Арматурова. А пока мне нужно творить. Даже если я не хочу. Даже если у меня нет больше сил.

Я спросил ее:

— Почему мои стихи напечатаны под чужим псевдонимом?

— Это твой псевдоним, — заверила меня Ольга.

— Мой псевдоним — Венедикт Дулин.

— Извини, — тут же нашлась Ольга, — мне показалось, что такая фамилия, как Заречный, звучит благозвучнее.

В конце концов, творчество отвлекло меня от учебы. Я не смог сдать несколько важных зачетов, и поэтому не был допущен к очередной сессии. Обстоятельства складывались так, что меня в скором времени должны были из института отчислить.

Я позвонил Ольге, чтобы рассказать ей о своих бедах. Говорил с дрожью в голосе, жаловался на судьбу. И тут она меня в очередной раз огорошила:

— Это хорошо. Как ты не понимаешь! Пусть отчисляют. Это только украсит твою биографию... в будущем.

— Но...

— Вспомни Толстого, вспомни Серова, — торопилась убедить меня Ольга. — Настоящий творец не должен заботиться о житейских вещах. Предоставь это обычным людям. Пусть они об этом пекутся. А ты должен быть свободным... от всего... Для чего тебе этот лесной институт? Неужели ты хочешь зарабатывать деньги на заготовке древесины или закладке лесных питомников? Это же дурь несусветная! У тебя талант! Ты личность творческая, свободная. Вот и живи свободно. Ничем себя не обременяй.

— Но три года учебы пропадут даром...

— Ну и что. Напиши что-нибудь крамольное — в пику существующему режиму. И твоё увольнение в будущем будет восприниматься как политическая акция. Как протест против существующего строя.

— Я не хочу.

— Теперь это уже не важно, — проговорила Ольга. — Первый шаг сделан. Надо делать и второй. У всех талантливых людей в жизни случаются трагедии. Это их карма. Трагедии и страдания настоящий талант закаляют.

— Я не хочу страдать. Я...

— Но твоя жизнь тебе уже не принадлежит. Учти это!

— Как? — удивился я.

— Сейчас она принадлежит истории. Человечеству. Эпохе. Тому поколению творческих людей, которое ты олицетворяешь.

— Олицетворяю... я?

— Да.

— Черт знает что!

Я, правда, тогда не понимал, как это можно, ради какого-то призрачного ореола будущей славы, бросить все. Институт, профессию, учебу. Как можно забыть о том вполне конкретном положении, которое я могу занять на государственной службе. Бросить все, чтобы стать никому не нужным свободным художником без средств к существованию, имя которого когда-нибудь занесут в таинственные скрижали.

И тут неожиданно я понял, что такая перспектива мне не подходит. Мне не подходит все, чем занимается Ольга и ее подруга. Я другой. Я обыкновенный простой человек, которому иногда удается написать неплохие, на первый взгляд, стихи. Слава, известность, историческая перспектива — это не для меня. Это из какой-то другой, неизвестной мне оперы...

Когда Ольга узнала, что я успешно пересдал зачеты и готовлюсь к очередной сессии — она очень удивилась. Увидела меня в институтском коридоре возле кабинета дендрологии и разочарованно проговорила:

— Ты все испортил.

— Что испортил? — переспросил я.

— Биографию. Ты испортил свою биографию. Ты стал как все.

— Я просто хочу закончить институт. Что тут плохого? — обиделся я.

— Я не смогу тебе этого объяснить. Не смогу, — сочувственно произнесла она. — И стихов больше не пиши. Не нужно. Видимо, это был случайный порыв. Ты не понимаешь, какая пропасть между творческой личностью и обыкновенным обывателем.

И она пошла от меня той походкой, которая всегда сводила меня с ума.

Через два года я благополучно закончил институт. А вот Ольга с четвертого курса исчезла куда-то.

Примерно через год она появилась в Москве в компании Бориса Самосвального и Алексея Крикунова. После очередных президентских выборов, которые прошли с очередными нарушениями, Ольга выступала на многочисленных протестных митингах, писала скандальные статьи в интернете. Какое-то время жила в Англии, потом в Нью-Йорке. Один из моих однокурсников случайно встретился с ней в Магадане, где она выступала с лекциями о перспективах глобальной демократизации. Потом он с гордостью рассказывал мне, что Ольга сейчас работает корреспондентом какого-то западного издания. Что она спрашивала про меня. Интересно, женат ли я, пишу ли стихи? Сожалела о том, что в провинции мой талант непременно погибнет.

Немного позднее до меня дошли слухи, что она пыталась создать какую-то новую партию. Даже выпустила манифест сторонников либеральных реформ под названием «Россия без вождей». А потом вдруг совершенно исчезла из виду. О ней ничего не было слышно. Я решил, что она случайно попала в какой-то политический переплет. Возможно, у нее был выбор между страданием, обещающим славу, и покаянием. И она выбрала страдание. Это на нее очень похоже. Хотя... не мне судить.

## МОЙ ШКОЛЬНЫЙ ТОВАРИЩ

Есть в Красноярске человек, которому я никогда не завидовал. Это мой школьный товарищ Михаил Бражкин. Он в нашем городке заведовал частной ветеринарной клиникой и отличался от всех моих знакомых тем, что от него за версту несло камфарой.

Его работа хотя и была ответственной, но подспудно носила чисто криминальный оттенок. Это происходило потому, что все профессиональные вопросы мой школьный товарищ решал радикально и быстро.

К примеру, взглянув на какого-нибудь солидного, но слегка прихворнувшего поросенка или быка, он сразу определял, стоит эту животину лечить или лучше принять меры для сохранения массы его тела в чистом виде — то есть в виде туши. Причем доводы в пользу последнего варианта устраивали моего товарища в большей степени, чем все остальное.

По правде сказать, заниматься длительным лечением домашних животных он считал делом нерациональным и даже вредным. «Если животное, извините за выражение, можно просто съесть — к чему его лечить?» — иногда резюмировал Михаил. По этой причине он не любил, когда к нему в клинику доставляли для лечения старых кошек и собак. Дошло до того, что однажды в пьяном виде он посоветовал одной несговорчивой бабушке ее лысого кота придушить. И предложил для этого свои услуги. Странноватая бабушка после этого закатила Михаилу истерику. Ей показалось, что он ее оскорбил. Она стала уверять, что этот серый кот — член ее семьи. Что он сейчас ее последняя отрада. С ним связано много воспоминаний о падениях и взлетах. О том времени, когда она была молодой и красивой. «Сколько же этому хищнику лет?» — растерянно переспросил Михаил. Старушка открыла рот, но ничего не ответила. Видимо, этот вопрос застал ее врасплох. Михаил сморщил нос и выдал бабушке таблетки от глистов...

Не имея водительских прав, Михаил ездил по нашему городу на мотоцикле отечественной марки «Иж». А когда у мотоцикла случайно отвалился глушитель, Михаил стал ездить без глушителя и уверял всех, будто освобожденный выхлоп увеличивает мощность двигателя в два раза. Теперь продвижение его мотоцикла по улицам Красноярска можно было определить на слух, потому что оно сопровождалось небольшой канонадой и всплесками нецензурной брани в виде комментариев горожан, то и дело попадающих на пути мотоциклиста. Но Михаил не обращал на это внимания. Он говорил, что ко всему новому рано или поздно придется привыкать.

Не имея охотничьего билета, он где-то приобрел старинное ружье, похожее на противотанковое орудие времен Великой Отечественной войны, и каждую осень уходил с этим орудием на охоту. Когда жители Красноярска слышали в лесу беспорядочную пальбу то тут, то там — они понимали, что это, скорее всего, Михаил Николаевич озорничает, и старались в всякий случай в лес не заходить.

А когда дня через два кто-нибудь из местных жителей, осмелев, все же отправлялся в лес на прогулку — он видел там множество стреляных гильз, пустые бутылки, разбитые точным выстрелом и нечто похожее на свежевырытые окопы. Как будто там вела сражение небольшая, но хорошо вооруженная армия.

Многие мои знакомые со школьных лет имели любимое занятие. Кто-то рисовал, кто-то играл на музыкальных инструментах, кто-то писал стихи. Было такое увлечение и у Михаила. Он очень любил подраться.



Для него это было бы так же естественно, как для других прогуляться по парку с любимой собакой или почитать книгу.

Однажды с ним произошел такой случай.

Кто-то из моих одноклассников без всякой задней мысли пригласил Михаила на встречу выпускников нашей школы. Михаил, естественно, согласился прийти. Он всегда любил посещать шумные компании, где предполагалось веселое застолье. И все было бы хорошо, если бы в конце вечера в Михаиле не проснулось его хобби. Как назло, в пьяном виде он плохо себя контролировал. Весело блестя глазами, он без всякого злого умысла, как бы шутя, слегка двинул в бок соседу слева. Сосед упал со стула, но на удивление быстро поднялся на ноги и с криком: «За что?» — нанес Михаилу ответный удар...

Этого нельзя было делать ни в коем случае. Так как ответный удар окончательно пробудил в Михаиле драчуна. Он вошел в раж и стал махать кулачищами направо и налево. Досталось какому-то сутулому представителю прессы, массивному завучу школы и худенькому физруку. Впечатление было такое, как будто Михаил, наконец, почувствовал себя нужным человеком в нужном месте.

Драка, с характерным для нее криком, продолжалась минут тридцать, а закончилась неожиданно и, по мнению Михаила, как-то некстати, потому что он только-только завалил одного здорового бугая, но еще не успел как следует его отдубасить.

Когда все прекратилось так же стремительно, как началось, и раздосадованные женщины стали искать виноватых, стыдить и увещевать их, Михаил сделал удивленное лицо и сказал:

— А что собственно произошло?

— Как что произошло? — поразились женщины. — Это же черт знает что! Люди собрались для культурной встречи, чтобы рассказать о себе хорошее. А тут такое!

— Какое? — переспросил мой школьный товарищ.

— Драка, шум и крики на всю округу.

— Ну, подрались немного старые друзья. Ну и что? — удивился Михаил. — Мы же мужики — не бабы. Нам можно и подраться. Если есть желание.

— Да как вам не стыдно? — возмутилась одна интеллигентная дама в дорогих очках.

— Мне нет. Не стыдно, — спокойно ответил Михаил. — Драка для нормального мужика — дело привычное. Мы же никого не убили. Так, размялись немного. Только и всего.

— А вам надо было кого-то убить? Вам хотелось кого-нибудь покалечить? — резюмировала дама в очках.

— Нет. Мы же люди интеллигентные. Я, например, работал только по корпусу. Я даже не пнул никого... как следует.

— Он еще и оправдывается.

— Я не оправдываюсь, — заверил Михаил. — Я вообще не вижу ничего плохого в интеллигентной потасовке. Хорошая махаловка раскрепощает. А то сидишь тут с вами весь вечер, как... индюк...

Никто, конечно, его тогда не понял. Но я знаю своего школьного товарища и догадываюсь, что он говорил это совершенно искренне. Он действительно так считает. Он даже был убежден, что поступил правильно. Ну почему бы крепким мужикам и не подраться. Ведь природа для чего-то одарила их такой неуемной силой и такими крупными увесистыми кулаками.

Вот только в любви к Михаилу почему-то не везло. Он влюбился один раз, но зато окончательно и бесповоротно.

А произошло это так.

Как-то поздним вечером в мае, слегка навеселе, он продвигался по школьному парку к своему дому. Никого не трогал, ни на что внимания не обращал, ничем не восторгался, но неожиданно краем уха уловил за кустами сирени странные звуки, очень похожие на стон. Эти стоны были не то чтобы отчаянные, но какие-то уж очень подозрительные. Михаила это озадачило и насторожило.

Он направился к сиреневым кустам и увидел за ними полуобнаженных мужчину и женщину. Причем в женщине он узнал школьную учительницу химии Галину Терентьевну, а в мужчине — школьного учителя информатики Ивана Ильича. Естественно, Михаил тут же решил, что бедную женщину насилуют, и решительно пресек это безобразие. Подошел и врезал учителю информатики по загривку.

Учитель информатики оказался в больнице, а Михаил — на скамье подсудимых. Ему дали два года условно. Хотя он героически защищал честь Галины Терентьевны даже в зале суда. Он стоял в железной клетке, упираясь головой в верхние прутья, и кричал:

— Вы не имеете права! Глисты поганые! Я за честь женщины любому башку оторву. Я буду горой стоять!

Он так увлекся этой защитой чести молодой женщины, этим героическим самопожертвованием, что сам не заметил, как влюбился в Галину. Учитель информатики был в то время женат, поэтому странные отношения этих двух немолодых людей выглядели для Михаила как прелюбодеяние. Это противоречило его моральным принципам и не соответствовало ходу его мыслей. Следовательно, таким отношениям рано или поздно нужно было положить конец. Хотя на суде выяснилось, что никакого изнасилования не было.

Когда Галина отчаялась бороться с навязчивым вниманием моего школьного товарища и вынуждена была стать его женой, он преподнес ей самый дорогой, по его мнению, подарок — брикет свежезамороженной говяжьей печени. Михаил искренне полагал, что его любимая женщина этим подарком останется довольна. Ведь это кладезь прекрасного белка и микроэлементов. Но Галина закатила ему истерику и сказала, что он ее унизил, он ее оскорбил этой своей жизнеутверждающей глупостью.

На следующее свидание он принес ей цветы.

А еще через год у них родился мальчик. Не знаю, как все остальное, но кулаки у этого малыша, я уверен, будут внушительные. Он сможет постоять за себя.

Когда сейчас я продвигаюсь по узким улицам Красноярскa и неожиданно слышу характерные крики у пивного ларька или ресторана, я понимаю — это мой школьный товарищ кому-то вправляет мозги. Когда поздней осенью до меня доносится истошный крик какого-либо животного, я думаю: «Это Михаил кого-то режет». Когда я вижу возле продуктового магазина ветхих старушек, которые жалуются, что не спали сегодня всю ночь, я предполагаю, что это Михаил в пьяном виде катался на своем ужасном мотоцикле без глушителя. И мне порой кажется, что для нашего маленького городка этого человека как-то слишком много. Он как-то очень просто и бесхитростно формирует его историю... Так нельзя.

Директор лесхоза выпивал редко. Но уж если вместе с друзьями отправлялся на охоту, то тут его было не удержать, не остановить. Он пер к столу как трактор. Пил и пил, закусывал и закусывал, и всегда после этого стремился встать на номер в самое ответственное место. На широкую заснеженную просеку возле лога или в конце дороги на берегу реки. Стоял, пошатывался и уверял всех, что он еще не пьяный. Пьяный он вообще на ногах не стоит, но стреляет при этом все равно очень хорошо. Так у него рука берет.

Однажды на охоте, прямо на директора вышли лоси. Директор увидел первого лося на просеке возле лога, быстро вскинул ружье и, почти не целясь, выстрелил.

Когда дым рассеялся, на просеке он ничего не заметил.

«Наверное, промазал», — решил директор. Начал, было, переживать, но в это время увидел еще одного лося, почти на том же месте, где первый лось хотел перескочить просеку. Директор снова выстрелил. Лось метнулся куда-то в сторону и скрылся с глаз. «Снова промазал», — решил директор, сплюнул в сердцах и выругался, как настоящий сапожник. Что сейчас ему мужики скажут? Как он перед ними будет оправдываться? Двух лосей упустил, чудик.

Из леса показались мужики с ружьями, еще издали возмущенно закричали:

— Лоси где? Они на тебя выходили. Где они?

— Неужели два раза промазал?

— В первый раз так. Прямо самому не верится, — оправдывался директор виновато.

Мужики после этого долго не могли успокоиться. Рассерженно кружили возле машины, размахивали руками, что-то кричали. Потом один из них для верности пошел проверить то место в логу, где заканчивается просека. А вдруг один из лосей с перепугу в лог свалился.

Подошел, посмотрел, а там два лося рядом лежат.

Директор после этого случая стал всем рассказывать, что он может бить зверя не только изрядно выпивши, но даже с закрытыми глазами — на шум, потому что так у него рука берет.

После перестройки наш директор стал арендатором. Набрал себе леса триста кварталов, там, где сосны побольше. Своим друзьям помог оформить аренду. В общем, стал жить еще лучше, чем прежде.

Через какое-то время построил себе огромный дом, купил иностранную машину, пилораму, лесовоз, трелевочный трактор с лебедкой. Дочери в городе квартиру приобрел, стал свое дело развивать, расширять. А когда его друзья спрашивали:

— Как это все у тебя так ловко получается?

Он отвечал:

— У меня так рука берет.

Между тем лесхоз, которым он все это время руководил, неожиданно обанкротился и перестал существовать.

Потом кто-то приватизировал лесхозовский гараж. Кто-то разобрал сушилку, кто-то — забор возле сушилки.

А оборотистому директору досталась двухэтажная контора и вся лесхозовская техника.

Работники розоренного лесхоза запоздало стали писать на директора жалобы. Писали в милицию, в прокуратуру, в приемную президента. Но так ничего и не смогли добиться.

Видно, у них рука плохо берет.

## БРАКОНЬЕРЫ

Перед самым Рождеством лесник Федя Дряхлых собрался было зарезать быка. Пригласил к себе друга охотника, чтобы тот в трудном деле помог. Как водится, выпили с другом для храбрости, вытащили быка из хлева, привязали к столбу во дворе и решили немного перекурить.

На душе у Феде во время перекура стало нехорошо. Он этого быка целый год кормил, трепал его по косматой морде, Мишкой называл, привык к нему, а сейчас вот приходится лишать быка жизни. Бык, в сущности, скотина безобидная, и глаза у него наивные. За что такого убивать.

Чтобы много не думать, Федя предложил другу еще немного выпить, для успокоения души. Друг согласился.

Зашли в дом, сели за стол, выпили, закусили яичницей. На душе вроде бы полегчало.

И в это время за окном увидели, как будто мелькнуло что-то черное. Какая-то животина в прыжке. Решили, что это бык. Выскочили на улицу. Глядь, а быка-то и правда нет на месте. Ушел из двора через распахнутую калитку на улицу. Веревку порвал, все запоры сломал.

Впопыхах кинулись быка догонять. Пробежали метров двести, потом Федя вспомнил про ружье и решил прихватить его с собой. Мало ли что может случиться.

После этого в полном вооружении гонялись за быком по колхозному полю, потом по лесу возле озера, пока бык не остановился возле старой валежины в логу. Тут его Федя и уложил из своего двенадцатого калибра тяжелой свинцовой пулей.

Подошли к быку, отдышались, для порядка выхватили ему глотку, а потом стали решать, на чем эту огромную тушу обратно в деревню можно доставить. Как ни крути, а выходило так, что лучше всего привезти быка на трелевочнике. Он и в чашу зайдет, куда захочешь, и грузить быка не понадобится. Трактор сам лебедкой затащит быка на щит.

Так и сделали. На обратном пути зашли к Мишке Карпову — бывалому трактористу из лесничества. Тот без разговоров трактор завел и в лес поехал. Не пропадать же добру в лесной чаще.

Короче, через несколько минут туша быка была дома.

Мужики быка ободрали, разрубили на части и повесили в чулан на хранение.

И все было бы хорошо, если бы на следующий день по деревне не пошел слух, будто местные лесники совсем обнаглели. Лосей стреляют прямо за селом, возле озера, но в лесу обдирать не хотят, потому что неудобно, — на трелевочнике возят прямо к лесничеству. Вот до чего обнаглели браконьеры.

